

Игорь Орлав

Совместимость с доставкой

КодМы

Романтическая комедия

Игорь Орлав

Совместимость с доставкой

«Автор»

2026

Орлав И.

Совместимость с доставкой / И. Орлав — «Автор», 2026

Марина ждёт котлету, а получает три булочки. Матвею вместо булочек достаётся чужой ужин. Причина проста: в небольшой пекарне их фамилии сокращают одинаково. Ошибку исправляют, но обмен претензиями уже превращается в переписку — со смешными вывесками, бумажными домиками и всё более заманчивыми представлениями друг о друге. Теперь остаётся встретиться. Желательно без стремянки, чужих поручений и заранее написанного сценария.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Три булочки вместо ужина	5
2. Мелкий обмен	7
3. Город на столе	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Игорь Орлав

Совместимость с доставкой

1. Три булочки вместо ужина

Марина вытащила из пакета третью булочку и поставила её рядом с первыми двумя.

Булочки были одинаковые. Круглые, румяные, с белой чертой на боку. Рядом с ними лежала баночка вишнёвого варенья. Котлеты не было.

— Очень предусмотрительно, — сказала Марина. — На случай, если первая булочка мне не понравится.

Услышать её было некому. Сосед сверху сверлил стену, но это не считалось разговором: он одинаково отвечал на любые её замечания.

Марина поставила чайник. Она весь день меняла подкладку в пальто, хозяин которого сначала уверял, что карманов ему нужно четыре, а потом вспомнил ещё про очки. На собственный ужин сил не осталось. В пекарне Веры с пяти часов развозили еду по Липовску: суп, горячее и выпечку, которую к вечеру хотелось устроить в хорошие руки.

На пакете стояло «М. Сокол.».

Она была Мариной Соколовой. Всё сходилось, кроме котлеты.

В телефоне сохранялся правильный заказ. Марина набрала пекарню, услышала длинные гудки и выключила вызов. Вера, наверное, одновременно считала сдачу и вытаскивала противень. Ошиблись на кухне. Завтра можно сказать.

Третью булочку Марина убрала в хлебницу и села рисовать вывеску на обрывке подкладочной бумаги: «Котлетная. Сегодня работают только круглые сотрудники».

За рекой, в пятнадцати минутах ходьбы от неё, Матвей Соколовский изучал котлету.

Он заказал три булочки не из-за особой страсти к однообразию. Одну собирался съесть сразу, две — взять завтра в столярную мастерскую Тимура. Они договорились выровнять полку, которую Матвей собрал сам. Пока полка напоминала человеку об изменчивости мира, даже если на неё ставили один стакан.

Котлета лежала на гречке. В отдельном маленьком контейнере обнаружились огурцы.

Матвей проверил подпись «М. Сокол.», открыл историю заказа и присел.

Можно было позвонить. Но на экране компьютера ждало описание садового стула, который заказчик велел назвать одновременно компактным и величественным. Матвей решил сначала справиться со стулом. Пока он подбирал ему менее противоречивое достоинство, котлета остыла.

Он съел её и написал Тимуру: «Завтрашняя встреча остаётся в силе. Булочки пошли своим путём».

На следующий вечер Марине привезли опять три булочки.

Она даже проверила календарь.

— Паша, постой.

Курьер уже успел надеть один наушник. Высокий, худой, в зелёной ветровке, он придерживал локтем сумку и смотрел на неё с тревогой человека, которому осталось двенадцать адресов.

— Куда поставить?

— Никуда. Я второй день получаю собрание булочек вместо ужина.

Она даже не раскрыла пакет: три круглых бугра просматривались сквозь прозрачное окошко. В её заказе значились овощной пирог и салат.

— Вчера тоже?

— Да. Я думала, вы заменили.

— Без звонка не заменяем.

Марина взяла с холодильника синий листок и написала: «Заказывала пирог и салат. Сладкое общество мне второй вечер подряд не подходит. Прошу вернуть мой ужин на прежнюю должность».

— Это Вере, — сказала она. — Чтобы тебе не пересказывать.

Паша сфотографировал номер заказа и приклеил листок к пакету. Потом позвонил клиенту, которому перед этим отдал пакет из того же ящика, и развернулся к его дому.

Матвей встретил его с нетронутым овощным пирогом. На жёлтой бумажке, которую он уже приготовил для пекарни, было написано: «Три булочки с вареньем. Повторно. Прошу не считать отсутствие семьи основанием для принудительного разнообразия питания».

— А вчера была котлета? — спросил Паша.

Матвей удивился его осведомлённости.

— С гречкой.

Паша поставил сумку на ступеньку и позвонил Вере.

Через двадцать минут два возвращённых пакета стояли рядом на широком подоконнике подъезда старого дома. Пекарня занимала первый этаж, а служебный вход выходил в этот подъезд. К одному пакету был приклеен синий листок, к другому — жёлтый. Вера придерживала дверь, пока Паша ходил к машине за пустым ящиком.

На кухне оба заказа сокращали одинаково. В тесном Липовске до сих пор хватало фамилии, иногда одной клички: «Тёте Зое», «В баню», «Сапожнику». Матвей начал заказывать недавно. Его длинную фамилию сократили до того же «М. Сокол.», которым несколько лет обозначали Марину.

Паша возил по правильным адресам совершенно одинаковые пакеты. Какой брать первым, подсказывало их положение в ящике. Два дня подряд кухонная помощница расставляла их в обратном порядке.

Вера сняла листки и нахмурилась.

— Почему вчера никто не сказал?

— Я сегодня сказал, — ответил Паша. — Два раза.

Возвращённую еду Вера убрала отдельно. Клиентам приготовили всё заново. На новые наклейки она велела выводить полный номер заказа и фамилию без сокращений. Паша сверил номера с телефоном, прежде чем закрыть сумку.

— Соколовский теперь помещается на двух строчках, — сообщил он Матвею, когда привёз замену. — Зато весь.

Матвей нашёл в пакете нужные булочки и записку от Веры с извинением. На обороте она по рассеянности оставила собственный расчёт муки.

— Другому человеку тоже привезли правильно? — спросил он.

— Сейчас еду.

— Передайте, что котлета была хорошая. И что я не похищал её намеренно.

Паша уже взялся за дверь, но Матвей остановил его:

— Нет, не передавайте. Вы работаете.

— Это по пути. Одну фразу могу.

Марина выслушала сообщение, заглянула в свой пакет и рассмеялась.

— А моё сладкое общество не обиделось?

— Человек просил булочки, — осторожно сказал Паша. — Человек получил булочки. Теперь все на своих местах.

Марина закрыла дверь и всё ещё улыбалась, вытаскивая свой пирог.

2. Мелкий обмен

Наутро Марина зашла к Вере за хлебом и увидела обе цветные записки под стеклом рабочего стола. Вера положила их туда до конца смены, чтобы объяснить помощнице, почему старые подписи больше не годятся.

— Жёлтую можно прочесть? — спросила Марина.

— Там твоя история, только с другой стороны.

Марина прочла. Особенно ей понравилось слово «повторно». Оно стояло отдельной строкой и имело вид человека, который долго терпел.

— Он правда думает, что вы следите за разнообразием его питания?

— Я и за своим не всегда слежу.

Вера убрала листки в ящик.

Марина попросила передать автору жёлтого послания ответ, если он не против. Вера согласилась сначала спросить. Адреса и телефоны клиентов она раздавать не собиралась, а Пашу уже послала за упаковкой.

— И доставка у нас еды, — добавила она. — Любую прочую деятельность вы организуете сами.

Марина оставила короткий конверт. Внутри лежал рисунок котлеты за конторкой и текст: «Сладкое общество принято и размещено. Одна булочка осталась у меня до утра и вела себя прилично. Претензий к вам нет. М.»

К обеду ей стало стыдно.

Человеку тридцать? Пятьдесят? Он шутил с пекарней, а не с ней. Может быть, вообще показывал записку жене, и они вместе смеялись над фразой про отсутствие семьи. Вера ничего не сказала о нём, кроме того, что он согласился получить конверт.

Марина позвонила:

— Если ещё не отдали, я заберу.

— Уже отдала.

— Когда?

— Когда человек пришёл за хлебом.

— Понятно.

— Марин, мне сейчас некогда разбирать значение слова «понятно».

Ответ ждал её на следующий день. Вера протянула конверт, не отрываясь от кассы.

«Передайте оставшейся булочке моё почтение. Котлету я честно съел. Сказать ей что-либо теперь затруднительно. Рисунок забираю: давно хотел начальника, который помещался бы в ладони».

Ниже Матвей нарисовал садовый стул с короной. Подпись гласила: «Величественно складывается. Компактно правит».

Марина стояла у витрины с конвертом, пока Вера не попросила пропустить покупательницу.

В мастерской у Марины было полно бумаги, но подходящая вдруг закончилась. Белая казалась официальной. Розовая — настойчивой. Она вырезала ровный прямоугольник из синего листа и написала: «Вывеска у магазина напротив моей мастерской: “Всё для уюта. Вход с другой стороны”. Стул может править оттуда».

Потом зачеркнула «моей мастерской»: это звучало как приглашение искать. Вернула слова: скрываться от человека, которому сама писала, было ещё нелепее.

Матвей получил письмо в пятницу. Он сел с ним на скамейку у пекарни, хотя мог спокойно дочитать дома. В конверте обнаружилась фотография вывески и маленький бумажный стул — не вполне устойчивый, зато с царственной спинкой.

Он поставил стул на колено. Мимо шли люди, не подозревавшие, что в городе происходит что-то кроме пятницы.

Вечером Матвей достал коробку из-под обуви. В ней лежали картонные фасады, сделанные за последние два года: булочная с открывающейся крышей, мастерская по починке зонтов, которых внутри было больше, чем могло поместиться, и узкое окошко с табличкой «Справочное бюро. Мы тоже не знаем».

Окошко когда-то очень понравилось Тимуру. Остальные вещи Матвей никому не показывал. Он не стыдился своего занятия, просто объяснение всегда казалось длиннее, чем само удовольствие от бумажной двери, которая открывалась.

Он сфотографировал бюро на фоне настольной лампы и распечатал фотографию в копировальной лавке. У этой затеи были очевидные недостатки. Отправить картинку по телефону можно было за секунду. Но её номера у него не было, и просить его в третьем письме казалось почему-то торопливее, чем идти через весь город за конвертом.

В субботу Марина принесла Вере пакет с яблоками из соседского сада.

— Это за почту.

— За почту хватит, если перестанете спрашивать, заходил ли другой, когда передо мной очередь.

Они договорились о жестяной коробке под прилавком. Каждый приносил свой конверт и забирал чужой. Вера держала коробку потому, что ей нетрудно, но читать, пересказывать или сообщать о новых письмах отказалась. На конвертах писали «Синий» и «Жёлтый» — различить их можно было и в сумерках.

Паша однажды увидел коробку, кивнул и спросил, приехали ли новые термосумки. История, с которой у него началась лишняя поездка, вернулась к людям, способным ходить самостоятельно.

В понедельник Марина развернула фотографию справочного бюро прямо на рабочем столе. Клиентка, пришедшая укоротить брюки, посмотрела ей через плечо.

— Это где?

— Пока на кухне у одного человека.

— У нас такое в центре надо. Чтоб зря не надеяться.

Вечером Марина отыскала ножницы для бумаги, которые обычно заменяла ножницами для ткани, хотя сама всем запрещала так делать. Из коробки от чая она вырезала дверь, приделала сверху маленький козырёк и написала над входом: «Мастерская несрочных дел».

Потом добавила на обороте письмо:

«Я умею шить. С бумагой хуже. Если дверь кривая, то у нас перекосило весь дом. Чинить будем после обеда. Марина».

Пока высыхал клей, она раза три подходила проверять, открывается ли дверь. Она открывалась, и каждый раз Марина улыбалась так, словно результат был неожиданным.

3. Город на столе

«Матвей. Тридцать девять лет. Редактирую описания товаров. За сегодняшний день видел слово “незаменимый” одиннадцать раз. Всё, к чему оно относилось, можно заменить».

Так он представился в следующем письме.

Марина, которой было тридцать шесть, пересчитала собственные занятия и написала: «Ремонтирую одежду. Шью чехлы. Иногда хочу, чтобы хотя бы один предмет пришёл ко мне со словами: со мной всё хорошо, я просто в гости».

Она оставила строку про возраст. После короткого раздумья добавила: «Живу одна».

Матвей ответил, что тоже. В его квартире, кроме него, проживает стул, который никак не решит, рабочий он или кухонный. Никаких других жильцов он не скрывает.

Марина рассмеялась, а потом задумалась, почему сама не умеет написать про стул. В голове у неё возникали длинные объяснения: когда разошлась с человеком, с которым жила; почему не жалеет; по какой причине всё-таки покупает чай в больших пачках. В конверт вошли три аккуратные фразы. Она казалась себе скучной, но Матвей отвечал так, будто именно этих фраз и ждал.

Его письма она читала по два раза. Первый — у пекарни, на ходу, распечатывая конверт большим пальцем. Второй — вечером, расправив лист на столе. Там всё время обнаруживалось что-то, чего она не заметила сразу: смешной человечек, выглядывающий из буквы, или приписка о том, что он передумал насчёт вывески и предлагает хуже.

Однажды Матвей сообщил: «Сегодня совершил дальнейшее путешествие. Перешёл мост, дошёл до хозяйственного и понял, что за клеем следовало повернуть налево ещё до моста. Купил второй клей, чтобы оправдать маршрут».

Марина вообразила, как он идёт по городу, останавливается возле витрин, разговаривает с продавцами. Наверное, легко знакомится. Наверное, всегда знает, что сказать.

Матвей тем временем стоял в хозяйственном и пытался ответить продавщице, для чего ему два вида клея. Он хотел сказать «для города», но решил, что потребуются пояснения, и пробормотал:

— Для бумаги.

Дома он сложил вторую упаковку в ящик, где уже лежала такая же. На самом деле потерять поворот было невозможно: он ходил этой дорогой несколько лет. Просто захотелось выйти подальше, чтобы к письму появилось хоть небольшое происшествие.

Они обменивались фотографиями своих домиков. Марина быстро научилась сгибать картон по линии. На её фасадах поселились «Прокат удачных слов», «Приём забытых намерений» и лавка «Почти всё», у которой внутри действительно ничего не было, кроме полки.

Матвей сделал для лавки крошечную коробку с надписью «Остальное».

Он представлял Марину за чистым рабочим столом, среди ровных катушек. В письмах она не суетилась, замечала точные подробности и никогда не требовала немедленного ответа. Матвей любил эту воображаемую тишину.

В реальности к Марине заходили постоянно. Лида из книжной лавки приносила оторванные ручки матерчатых сумок, соседка просила выбрать пуговицы, хозяйка цветочного киоска оставляла ключ: вдруг привезут землю. Марина говорила с двумя людьми сразу, придерживала подбородком ткань и отвечала на телефон локтем. Вечером она закрывала дверь, смотрела на неоконченные заказы и удивлялась, куда делся день.

— С тобой что-то происходит, — сказала Лида, увидев на полке «Прокат удачных слов».

— Работаю руками.

— Руками ты работала и раньше. Но без городской застройки.

Марина дала ей посмотреть домик. Лида повернула его к свету.

— Принеси в субботу на обмен. Поставим рядом с книгами.

Раз в месяц у книжной лавки собирались горожане с вещами, которые им больше не требовались. Кому-то доставались вазы, кому-то зимние шарфы, однажды взрослый мужчина ушёл с плюшевой репой и был вполне доволен.

— Я эти не отдаю, — сказала Марина.

— Так и поставим: не для обмена. Красиво же.

Вечером Марина впервые предложила встречу.

«В субботу во дворе книжной лавки обмен вещами. С двух до пяти. У меня будут бумажные магазины. Можно было бы посмотреть друг на друга без обязательства немедленно понравиться. Я буду у стола. Синий конверт — при мне».

Слова «без обязательства» она добавила последними. Они звучали взросло и немного портили всё остальное.

Матвей читал письмо за кухонным столом. Суббота была свободна. Двор он знал. Встретиться там казалось проще, чем сесть лицом к лицу и вдруг обнаружить, что все хорошие слова остались дома.

Он ответил: «Приду в два. У меня жёлтый конверт и небольшой запас внешности. Надеюсь, для первого раза хватит».

Марина положила ответ под пресс для ткани и минуту смотрела на кусочек жёлтой бумаги, который торчал сбоку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.